

СПОСОБЪ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ЭТОЙ КНИГОЙ.

Цѣлью автора при изданіи этой книги было научить больного обходиться, по крайней мѣрѣ въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ, безъ помощи аптекаря и присутствія врача.

Освоившись съ книгой, больной будетъ въ состояніи избрать леченіе, сообразное съ болѣзнью, и составлять себѣ лекарства такъ же хорошо, какъ сдѣлалъ бы лучший аптекарь, если только онъ приобрѣтетъ необходимые матеріалы.

Чтобъ узнать способъ леченія по этой методѣ, стоитъ только отыскать болѣзнь подъ ея обыкновеннымъ названіемъ, по алфавиту, которымъ оканчивается книга.

Въ изложеніи способа леченія, каждое лекарство обозначено цифрою между скобками; эта цифра указываетъ не на страницу книги, но на параграфъ, въ которомъ говорится о приготовленіи и употребленіи этого лекарства. Наприм. надобно вылечить *нарывъ* § 265; въ статьѣ *леченіе* между прочимъ предписывается *дегтярная вода* и указывается § 203, 2^о; значитъ, что въ этомъ параграфѣ находится наставленіе готовить и употреблять эту воду.

Посредствомъ такихъ указаній также легко самому составлять лекарства, какъ легко готовить кушанья съ помощію поваренной книги; надобно только имѣть самые лучшіе матеріалы.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

1. *Гигіена* есть искусство сохранять свое здоровье, а *Медицина*—искусство возстановлять его, когда оно утрачено или, болѣе или менѣе, разстроено. (*)

Здоровьемъ называется нормальное состояніе человѣка: быть здорову и жить—одно и тоже. *Бользнъ* есть исключительное состояніе жизни: быть больнымъ значитъ быть на дорогѣ къ смерти.

Здоровье даетъ человѣку возможность выполнять возлагаемыя на него природой обязанности въ отношеніи къ обществу, т. е. *производить и быть полезнымъ*. *Бользнъ* дѣлаетъ его бесполезнымъ бременемъ для общества.

2. Достоинъ уваженія тотъ больной, который подвергся болѣзни на служеніи человѣчеству, отечеству или семейству: болѣзнъ его одна изъ тѣхъ славныхъ ранъ, на которыя всѣ спѣшатъ пролить бальзамъ и благословеніе.

Достоинъ сочувствія больной, если печальное состояніе его было плодомъ наслѣдства или несчастнаго случая; если, бѣдный отверженецъ, онъ, долгими страданіями предъ ли-

(*) *Hygie*—у Грековъ было имя богиня, которая имѣла попеченіе о больныхъ и вообще заботилась о народномъ здравіи—*Medicina*—отъ латинскаго глагола *medeo*—врачевать, слово это очень хорошо объясняетъ значеніе ученой профессіи эмпириковъ, пришедшихъ изъ Мидіи. *Pharmakeia*—слово греческое, означающее употребленіе и продажу лѣкарствъ (*pharmaka*).

Необходимое замѣчаніе. Арабскія цифры, поставленныя въ скобкахъ наприм. (107), означаютъ ссылки на параграфы.

цомъ Бога и людей, искупаетъ ошибки своихъ родителей или превратности случая! Попеченія, расточаемыя ему обществомъ, слабо вознаграждаютъ вредъ, сдѣланный ему тѣми, которые дали ему жизнь.

Стыдъ тому больному, который пожертвовалъ своимъ здоровьемъ грязнымъ удовольствіямъ, бесполезнымъ и безславнымъ опасностямъ, преступнымъ страстямъ! Угрызенія совѣсти занимаютъ не послѣднее мѣсто въ его страданіяхъ. За нимъ ходятъ изъ жалости, а не изъ состраданія: что сдѣлалъ онъ, чтобъ заслужить любовь?

Мнѣ случалось встрѣчать не мало прекрасныхъ личностей, не мало геркулесовскихъ тѣлосложеній, которыя изнурили себя одной минутой неблагоразумія и излишества!

3. Много докучаютъ моралью молодымъ людямъ нашего времени, но имъ мало говорятъ о физиологіи. Имъ недовольно часто внушаютъ ту истину, что нѣтъ ничего глупѣе, какъ ставить на карту свои силы и свое будущее, для какого нибудь пустого удовольствія.

Будьте увѣрены, что развратникъ, лжецъ и злодѣй — имѣютъ слабое сложеніе, какъ физическое, такъ и нравственное, и что они оказываются особенно слабы именно въ томъ направленіи, въ которомъ всего болѣе грѣшатъ. *Развратникъ* не имѣетъ достаточно силъ для того, чтобы быть хорошимъ мужемъ, или мужемъ женщины сильнаго сложенія. *Лжецъ* не имѣетъ достаточно духа, чтобъ безнаказанно говорить правду. *Злодѣй* не можетъ рѣшиться на трудъ; онъ дармоѣдъ, человѣкъ непроизводительный. Всѣ трое—суть существа больныя.

Человѣкъ благоразумный—есть человѣкъ нормальный: это типъ и образецъ человѣка. Общество должно стремиться къ той цѣли, чтобы всѣ члены его были таковы, и чтобы предохранять ихъ отъ всякаго вреднаго обстоятельства, т. е. оно должно производить людей крѣпкихъ и тѣломъ и духомъ, поддерживать ихъ въ условіяхъ благопріятныхъ для ихъ здоровья и для развитія ихъ общительности и, нако-

нецъ, лечить ихъ болѣзни средствами быстрыми и дѣйствительными.

4. Таковы ли тѣ общественныя условія, въ которыя мы теперь поставлены?—Нѣтъ.

Здоровье и нравственность встрѣчаютъ тысячи подводныхъ камней, грозящихъ имъ кораблекрушеніемъ, и очень мало средствъ достигнуть пристани. Человѣку продаютъ на вѣсь золота и сѣти, въ которыя онъ попадаетъ, и грустныя услуги, имѣющія цѣлю извлечь его оттуда; и какъ часто веревка, которою его оттуда тащатъ, и за которую деньги были заплачены впередъ—лопается!

5. Около двухъ тысячъ лѣтъ люди жалуются на то, что медицинская рѣчь непонятна для больного, что цѣлебныя средства медицины то превозносятся, то хулятся сожрецами; такъ что нѣтъ способа леченія, который бы, достигнувъ сначала громадной славы, не былъ бы рано или поздно обвиненъ. Такъ какъ законностью формы прикрывается неблагоразуміе и несообразность предписанія врача, то остающіеся въ живыхъ люди имѣютъ право мстить за мертвыхъ только оружіемъ насмѣшки: доктора можно позвать только въ судъ Мольера; да и тамъ, часто, если кто смѣется отъ чистаго сердца, такъ это именно врачъ (*). И онъ правъ; тутъ смѣшновъ не столько онъ, какъ другіе.

6. Да, смѣшно, что сословіе людей, которымъ во Франціи законъ поручаетъ самую высокую общественную должность, не устроено на подобіе всякой другой должности, и что тамъ нѣтъ той подчиненности или іерархіи, которая могла бы быть ручательствомъ добросовѣстности дѣйствій каждаго изъ сочленовъ.

Смѣшно, что въ силу своего диплома, каждый изъ ея членовъ имѣетъ право быть шарлатаномъ и продавать тому кто больше дастъ, одно обѣщаніе его вылечить, не будучи обязанъ держать свое слово.

(*) Пока люди будутъ смертны, но животолюбивы, надъ докторами они будутъ смѣяться, но не перестанутъ имъ платить.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій: Hist. de la santé et de la maladie, 1860 года, я говорилъ уже о томъ, какъ было бы легко, если бы этого захотѣли, прекратить такой порядокъ вещей и произвести преобразование, которое принесло бы одинаковую пользу какъ больному, такъ и врачу, достойному этого званія; къ счастію человѣчества, такіе врачи еще встрѣчаются.

7. Въ небольшой этой книгѣ, которая назначается добросовѣстному врачу и благоразумному больному, я прежде всего намѣренъ опредѣлить, каковы должны быть взаимныя обязанности больнаго и врача.

8. Дипломъ не даетъ доктору права на жизнь и смерть больнаго; больной не обязанъ имѣть слѣпое довѣріе къ своему доктору; это доказывается тѣмъ, что больному предоставлена свобода выбирать себѣ изъ кучи докторовъ такого, который внушаетъ ему наиболѣе довѣрія: слѣдовательно больной есть судья достоинства доктора. Почему же больной не можетъ судить о достоинствѣ его предписаній?

9. На это надо отвѣчать слѣдующее: Медицина, въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ быть названа искусствомъ помогать больнымъ, не есть наука. Докторъ дѣйствуетъ на угадъ, отчего медицина и впадаетъ въ произволъ и капризъ. Всякому ученику извѣстенъ поступокъ Боскильона, доктора Hôtel-Dieu, который, однажды утромъ войдя въ залу, обратился къ студентамъ, пришедшимъ для клиническихъ занятій, съ такими словами: *Что мы станемъ дѣлать сегодня? Мы сдѣлаемъ вотъ что: мы дадимъ слабительное всей лѣвой сторонѣ залы и пустимъ кровь всей правой сторонѣ.*

Рекамье, за которымъ такъ ухаживалъ большой свѣтъ, прописывалъ то, что прежде всего входило ему въ голову: нынче ломтики сыраго картофеля, завтра настой изъ паутинны и т. п. Противъ всякаго приступа мигрени онъ предписывалъ вырвать зубъ; въ случаѣ простаго звона въ ушахъ онъ приказывалъ расширить инструментомъ слуховой проходъ, рискуя даже разломать ушные кости.

Мы зачастую встрѣчаемъ даже самыхъ добросовѣстныхъ

докторовъ, которые сознаются въ своемъ безсиліи родственникамъ больного, послѣ двухъ или трехъ мѣсяцовъ леченія, или, лучше сказать, бесполезныхъ и безсознательныхъ попытокъ: *я исчерпалъ все свое знаніе; я не знаю болѣе, что дѣлать, соберите консилиумъ.*

Мы видимъ капризъ со стороны доктора, капризъ со стороны больного: онъ беретъ и бросаетъ доктора безъ всякой причины. Въ самомъ дѣлѣ, ни больной, ни докторъ не могутъ указать правильную причину, почему они предпочитаютъ то или другое; при настоящемъ состояніи медицинскаго преподаванія такихъ причинъ не существуетъ.

Почему я болѣнъ?—Виновата кровь, говоритъ одинъ.—Виновата желчь, говоритъ другой.—Виноваты нервы, замѣчаетъ третій.—Какъ будто во всякой болѣзни кровь, желчь и нервы не принимаютъ участія! Но почему я говорю: виновата кровь, или желчь, или нервы? Не думаю, чтобы современная медицина могла отвѣчать, не скажу точно, но хоть понятно, на который нибудь изъ этихъ трехъ вопросовъ: рѣшеніе ихъ сокрыто въ необъятной глубинѣ тайнъ жизни. Будемъ требовать отъ теоріи только примѣнимаго къ дѣлу и возможнаго: эта область обширна и далеко еще не образована.

10. Имѣя право судить о достоинствѣ доктора, о правильности его предписаній, больной или его родственники обязаны съ должнымъ благоразуміемъ и довѣренностію объяснить ему болѣзнь. Изъ этого слѣдуетъ, что каждый въ наше время долженъ стоять въ уровень со всѣмъ тѣмъ, что есть положительнаго въ искусствѣ помогать больнымъ и сохранять здоровье. Практическое изученіе медицины рано или поздно должно войти въ составъ всякаго правильного воспитанія. Когда это сбудется, медицинское искусство очистится отъ произвола въ виду просвѣщеннаго контроля его кліентовъ, и шарлатанъ—эта презрѣнная язва званія самаго благороднаго, не найдетъ себѣ мѣста въ обществѣ. Съ другой стороны, болѣзнь будетъ лучше постигнута, когда наблюдать ее будетъ не одинъ только док-

торъ, который появляется только разъ въ сутки, но и самъ паціентъ.

Помните мои слова: если есть доктора, которые скорѣе рѣшились бы пожертвовать и своимъ именемъ и своей практикой, нежели подвергнуть опасности здоровье больного, то есть и такіе, которыхъ самолюбіе и жажда золота побудили бы скорѣе пожертвовать здоровьемъ больного, нежели сознаться въ ошибкѣ или не закрывать глазъ передъ фактами, подтверждающими могущество новаго способа леченія. Помните, что новый способъ леченія, распространенію котораго посвящена моя книга, имѣетъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ своихъ въ докторахъ этой послѣдней категоріи. Я не стану приводить здѣсь ихъ смѣшныхъ возраженій, ихъ нелѣпыхъ критикъ.

Умы сильные, число которыхъ увеличивается теперь чрезвычайно быстро, не слушаютъ этихъ смѣшныхъ возраженій, и такъ какъ имъ удается выздоравливать подъ носомъ у удивленнаго доктора, всякій разъ, когда они во время успѣваютъ захватить болѣзнь, они презираютъ докторскія угрозы и бываютъ очень рады тому, что не поддались ложному ужасу.

Въ самомъ дѣлѣ, мы съ полнымъ знаніемъ дѣла выбрали лекарства для новаго способа леченія; такъ что если употребленіе ихъ и не въ состояніи во всѣхъ случаяхъ возстановить здоровье (ибо есть случаи неизлечимые), то во всякомъ случаѣ они не могутъ прибавить къ недугу новую долю страданій и новый шансъ къ существующимъ уже шансамъ смерти. Съ первыхъ же симптомовъ болѣзни можно уже предугадывать, чего надо ждать отъ новаго способа леченія; и, во всякомъ случаѣ, способъ этотъ облегчаетъ болѣзнь, если даже она неизлечима по самой своей природѣ.

11. Такимъ образомъ, хотя могущественнымъ нашимъ врагамъ ничего не стоитъ клеветать на насъ и хотя они прибѣгали къ помощи высшей и низшей полиціи и содѣйствію различныхъ тайныхъ обществъ,—имъ не удалось еще обнаружить ни одного, даже самаго незначительнаго факта,

который далъ бы поводъ обвинять новый способъ леченія въ смертномъ случаѣ по неблагоразумію. Ни одного такого случая изъ числа болѣе 50 тысячъ случаевъ!

12. И такъ, публика съ чистою совѣстію принялась примѣнять къ дѣлу систему, которая излечиваетъ тамъ, гдѣ старая медицина убивала, и облегчаетъ болѣзнь тамъ, гдѣ никакая медицина не въ состояніи произвести излеченіе. Ложные обвинители поколебали только весьма немногихъ; рано или поздно они изгонятся совершенно прогрессомъ, который взвѣситъ ихъ на вѣсахъ правосудія.

13. Если съ первыхъ же минутъ состояніе больного не оправдаетъ надеждъ тѣхъ, кто взялъ на себя попеченіе помочь ему, то благоразуміе предписываетъ тогда позвать доктора, для того чтобы оправдать свою отвѣтственность засвидѣтельствомъ и содѣйствіемъ законнаго судьи.

14. Нынче только людямъ бездарнымъ да Станареллямъ свойственна спѣсь докторскаго званія и варварскаго нарѣчія школы. Они не читаютъ, не наблюдаютъ; они пользуются на удачу безнаказанностію, на которую даетъ имъ право дипломъ. Знающіе свое дѣло доктора не щеголяютъ своею ученостію: они счастливы если ихъ понимаютъ, а не ввѣряются слѣпо; они берутъ истину всюду, гдѣ ее находятъ: и въ разсказахъ неграмотныхъ наблюдателей, и въ толстыхъ фолиантахъ; будучи добры и человѣчны, они имѣютъ въ виду не производить шумъ, а дѣлать благо и лечить; а чѣмъ ни произведено излеченіе—растворомъ золота или дегтярной водой, китайской камфорой или нашимъ огороднымъ чеснокомъ—для нихъ все равно! Утѣшать, помогать скоро и небольшими средствами, вотъ ихъ задача, ихъ удовольствіе. Найдите мнѣ человѣка болѣе счастливаго, чѣмъ тотъ, кто сѣетъ счастье на своей дорогѣ, кто проводитъ здѣшнюю жизнь въ дѣланіи добра: *praeteribat benefaciendo*.

15. Выборъ доктора, въ случаѣ крайней необходимости, есть дѣло величайшей важности. Научиться безъ него обходиться—дѣло величайшаго благоразумія. Братъ доктора наудачу, не старался отличить шарлатана отъ философа—

дѣло глупой беззаботности, которое граничить съ самоубійствомъ или челоуѣкоубійствомъ, смотря потому, для кого мы беремъ врача: для самихъ себя или для другихъ.

16. Хотите ли вы избѣгнуть подобныхъ преступныхъ ошибокъ? сѣумѣйте быть своимъ собственнымъ докторомъ. О, если бы настоящая небольшая книжка, которую я посвящаю добросовѣстнымъ врачамъ и недостаточнымъ больнымъ, могла въ васъ вдохнуть желаніе и доставить вамъ средства изучить правила искусства, имѣющаго цѣлю сохранять и возстановлять здоровье, которому въ нашемъ безпечномъ обществѣ угрожаютъ и вредятъ столько различныхъ обстоятельствъ!
